

Последние дни были настолько скучными, что он начал вспоминать прошлое. Рассказывал, как был единственным сыном богатого купца, жил в полном согласии с семьёй, пока однажды не появился даос. Тот заявил, будто в доме завёлся злой дух. Отец его верил в подобное, а после того, как даос применил кое-какие уловки, и вовсе стал почитать его как почётного гостя. Потом даос, возжелавший семейного богатства, пошёл на хитрость и обвинил их дом в поддержке мятежа. Чиновники поверили наговорщику. Семья погибла, а он сам сбежал. Кто-то сказал ему, что здесь можно найти учителя и отомстить, но теперь, очутившись в такой ситуации, он не мог не заподозрить, что тот человек его обманул.

Янь Ся подумал о нём: «Загнали в безвыходное положение».

Вскоре запасы провизии в пещере подошли к концу. Вэньжэнь Цзуй понимал: если так продолжится, он и вправду умрёт — умрёт жалкой смертью от голода. Теперь он уже не надеялся, что Цинцю Е появится. Нужно было самому искать путь к спасению.

Сначала он осмотрел утёс и обнаружил, что, возможно, из-за сильного волнения, когда взбирался сюда, не заметил одного места с выбоинами и неровностями, по которым можно было бы спуститься.

Вернувшись, он собрал свои пожитки. Настало время прощаться. Он взглянул на маленькую лисицу. Та провела с ним столько времени, что он решил взять её с собой.

Неся поклажу на спине, он размышлял, как же спускаться. Не будет ли клетка помехой? Он сказал лисице: «Я выпущу тебя, но ты должна слушаться».

Янь Ся тоже услышал эти слова, и его сердце по непонятной причине сжалось. Лисица, услышав речь Вэньжэнь Цзуй, жалобно заскулила. Тот рассмеялся: «И вправду понимаешь человеческую речь».

Он открыл клетку и заметил, что та была весьма красива, украшена замысловатыми узорами. Едва он вознамерился отомкнуть её, коснулся замка — и тот сам отскочил.

Не успел Вэньжэнь Цзуй удивиться, как из клетки повалил чёрный дым. Лисица вырвалась наружу и начала расти, пока не достигла размеров двух человек. Она раскрыла пасть и заговорила человеческим голосом, неотличимым от голоса Цинцю Е.

Вэньжэнь Цзуй в ужасе воскликнул: «Ты — оборотень!»

Лисица смотрела на него странным взглядом — возбуждённым и насмешливым одновременно. Она преградила выход из пещеры и сказала: «Не я одна. Но это неважно. Ты сам меня освободил. Я открою тебе ещё кое-что».

Голос её звучал злорадно: «Того даоса в твоём доме тоже создала я. Человек, что посоветовал тебе прийти сюда, был мною подкуплен на деньги твоей же семьи. Я нарочно позволила тебе сбежать — хотела посмотреть, как ты вертишься у меня на верёвочке. И зовут меня не Цинцю Е. Цинцю — мой дом. Меня зовут Су Цин».

Уже с первых слов Вэньжэнь Цзуй не мог прийти в себя. Теперь же её голос, странный и вкрадчивый, причинял ему всё усиливающуюся головную боль. Объятый скорбью и ненавистью, он схватил оборонительный кинжал и бросился на Су Цин.

Но клинок не мог причинить ей вреда. Она сказала: «Не трудись. Знаешь, как умерли твои родители? Я стёрла их в прах. Скоро и ты присоединишься к ним».

Вэньжэнь Цзуй, бессильный что-либо сделать, чувствовал, как боль нарастает. Услышав о судьбе родителей, он замер, переполненный отчаянием, и рухнул на землю, рыдая. Увидев это, Су Цин с жадностью разинула пасть, намереваясь проглотить его. Янь Ся, пребывая внутри Вэньжэнь Цзуй, кричал, пытаясь достучаться до его души. В самый последний момент Вэньжэнь Цзуй услышал его: «Кто ты?»

Янь Ся не назвалса, а выкрикнул: «Всё это она делает, чтобы ты отчаялся! Не позволяй ей добиться своего!»

Эти слова всколыхнули в Вэньжэнь Цзуйе решимость. Видя приближающуюся пасть, он подумал, что уж если погибать, то сражаясь. Собрал последние силы, он с кинжалом бросился прямо в эту пасть. Клинок вонзился, но его руки были откушены, и кровь хлынула потоком. Су Цин, получив ранение в язык, завывала от боли и, забыв сдержать свою демоническую силу, вновь ринулась на него. Вэньжэнь Цзуй, весь в крови, ощутил несметную демоническую мощь — и Печать Циляня вновь воссияла, озарив пещеру словно днём.

Су Цин, опалённая золотым светом, вновь сжалась до размеров, что была в клетке, и затрепетала. Вэньжэнь Цзуй воспользовался моментом и вцепился зубами в горло лисицы. Они бились в смертельной схватке; лицо Вэньжэнь Цзуйа было исполосовано когтями, но он не разжимал челюстей. После долгой борьбы он наконец загрыз лисицу. Теперь он сам дрожал всем телом, понимая, что и ему осталось недолго. Он спросил у того голоса, кто он. Янь Ся ответил: «Тот, кто из твоего сна».

Вэньжэнь Цзуй заплакал: «Разве всё это не было кошмаром? Почему я должен был через это пройти?»

Янь Ся чувствовал его боль и горе, но не ответил — ему казалось, что Вэньжэнь Цзуй уже не ищет причин, а лишь хочет излить душу.

Голос Вэньжэнь Цзуйа становился всё тише, и последнее, что тот произнёс, было: «Наконец-то я перестану видеть сны».

Янь Ся почувствовал, как нечто покидает тело Вэньжэнь Цзуйа — быть может, его душу. Он погрузился в печаль, но в этот миг в пещере раздался вопль, и откуда-то выскочило существо. Янь Ся увидел нечто, похожее на обезьяну, с белой головой и красными лапами. На него нахлынуло смутное чувство узнавания. Существо бросилось к Су Цин, пожрало её, затем повернулось к телу Вэньжэнь Цзуйа. Его взгляд метнулся, оно приблизилось к Вэньжэнь Цзую... и Янь Ся в ужасе проснулся.

Проснувшись, он обнаружил себя в придорожной гостинице. Уже занималась заря. Шэнь Юй смотрел на него с беспокойством. В этот момент подошла Юнь Сяо и сказала: «Господин, перекусите. Нам пора отправляться».

Янь Ся поднялся, вспоминая сон. Он предположил, что в Вэньжэнь Цзуйе было нечто, чего жаждала Су Цин, — возможно, тот самый золотой свет, — и заполучить это можно было, лишь доведя его до отчаяния. Лисица же ждала, пока он сам отопрёт клетку, чтобы обрести силу. Вероятно, Вэньжэнь Цзуй был связан со всем этим ещё в прошлой жизни. Затем он вспомнил ту обезьяну. Почему она показалась ему такой знакомой? Размышляя об этом за едой, он вышел наружу и увидел восходящее солнце. И вдруг понял, откуда это чувство: оно было точно таким же, как в его первом сне, где он сражался с призраком отца.

Авторское примечание: «Шаньхайцзин».

В разгар войны Чжао Хэн, схватив еду, в панике бросился бежать. Ему было лет двенадцать-тринадцать, он был маленьким нищим, выживавшим лишь в драках с бродячими собаками за обедки. Но он и этому был рад — ведь война длилась уже так долго, что смерть стала обычным делом. К тому же, здоровье у него было слабое, так что сам факт, что он выжил, уже был удачей. Да и брат у него был.

Конечно, брат был не родной — они сдружились, когда попрошайничали. Тот, говорят, сбежал от похитителей и хотел вернуться домой. Но в отличие от Чжао Хэна, жившего как придётся, тот парень был возвращён в неге, не ведая забот. Однажды, увидев, в какой нужде пребывает Чжао Хэн, он отдал ему половину своей еды. В военное время, когда у людей не оставалось лишней жалости, этот поступок тронул Чжао Хэна до глубины души — с тех пор как умер отец, с ним так никто не поступал. Тотчас же он признал парня старшим братом в надежде на пропитание. Пробыв вместе день, он разузнал его историю: якобы тот был сыном какого-то императора. Чжао Хэн был неграмотен, но жизненный опыт подсказывал ему — опора эта ненадёжна.

Ведь в огне войны любой разбойник мог провозгласить себя царём, а примеры, когда такого «императора» приканчивали дня через три, были нередки. Однако юноша, выращенный в такой роскоши, явно отличался от тех бандитов. Впрочем, очень скоро Чжао Хэн из старшего брата превратился в младшего — в смутные времена уличный нищий явно преуспевал больше, чем не знавший нужды отрок. Имя Чжао Хэну дал именно этот юноша. Тот представился Чжао Цзюнем и сказал, что раз у мальчишки нет имени и они теперь братья, то пусть будет одной фамилии. Так нищий и стал Чжао Хэном.

Чжао Хэн размышлял, что раз уж ему суждено скитаться, то неважно, где именно. И сказал Чжао Цзюню: «Я отведу тебя к отцу». Чжао Цзюнь с радостью согласился, растроганный его словами, и они отправились в путь.

<http://bllate.org/book/16277/1465507>